

140 ПИСЕМ П. И. ЧАЙКОВСКОГО

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ печати недавно была опубликована статья, в которой сообщалось о том, что в Ленинграде найдены 140 подлинных писем великого русского композитора П. И. Чайковского, адресованных брату Анатолию и его супруге Прасковье Владимировне Чайковским.

Как, при каких обстоятельствах были найдены эти письма и каково их содержание?

Прежде чем рассказывать об этом, необходимо сделать маленький экскурс в историю. У отца композитора, горного инженера Ильи Петровича Чайковского, много лет управлявшего крупнейшими металлургическими заводами на Урале, было от второго брака пять сыновей и одна дочь. Самыми младшими в семье были близнецы Модест и Анатолий. Им пошел четвертый год, когда умерла их мать, к которой Петр Ильич относился с благоговейным трепетом и беспредельной любовью. Чувства, которые он питал к матери, были перенесены им на младших братьев. Он проявлял о них подлинно материнскую заботу и беспокойство. Когда они закончили Петербургское училище правоведения и вступили на самостоятельную дорогу жизни, Чайковский ни на один день не порывал с ними связи, интересуясь каждым их шагом, вникая во все мелочи их быта и трудовой деятельности. Собственной семьи у Петра Ильича не было, поэтому все, что касалось братьев, особенно семьи Анатолия Ильича, его всегда очень волновало. В течение многих лет Анатолий служил в разных учреждениях судебного ведомства, а с 1888 года, получив генеральский чин, был назначен на ад-

министративную должность вице-губернатора Тифлиса, потом Ревеля, затем Нижнего-Новгорода. Умер он в Петербурге в 1915 году в звании сенатора. И вот с ним-то и вел Петр Ильич в течение очень многих лет весьма оживленную переписку, особенно разросшуюся в те годы, когда Анатолий, связанный службой с Кавказом, Прибалтикой и другими районами страны, вынужден был жить далеко от брата. За многие годы Чайковский написал около шестисот писем Анатолию и его супруге, которую он называл «Паничкой».

После смерти Петра Ильича, а умер он в 1893 году, его либреттист и биограф—брат Модест основал мемориальный музей в Клину, в том самом доме, где Чайковский провел последний год своей жизни. Он собрал от многочисленных корреспондентов композитора письма, написанные им в течение всей его жизни, систематизировал их, обработал и отчасти использовал в своем трехтомном труде «Жизнь П. И. Чайковского», изданном в 1900—1902 г.г. Некоторые письма он вынужден был вернуть их владельцам, предварительно сняв с них копии. Так были возвращены письма, адресованные Анатолию Ильичу и его жене, в семье которых они хранились как реликвия.

Когда умер Анатолий Ильич, овдовевшая его супруга с дочерью Татьяной (именуемой в письмах Татой), переехала на новую, более скромную квартиру и, прожив в ней очень недолго, выехала за границу. Там их и застигла Октябрьская революция. Ни она, ни дочь ее на родину не вернулись. Тогда, в эти бурные годы, часть писем Чайковского, хранившихся в

семье брата Анатолия, была кем-то направлена в Клин. Другая же и весьма значительная часть писем бесследно исчезла. Утрата их была особенно чувствительной потому, что потерявшиеся письма относились к самым последним, наиболее зрелым годам жизни великого музыканта, а именно к 1886—1893 г.г., когда были созданы такие выдающиеся произведения, как оперы «Чародейка», «Пиковая дама», «Иоланта», балеты «Спящая красавица» и «Щелкунчик», пятая и шестая (патетическая) симфонии, секстет «Воспоминания о Флоренции» и многие другие.

Были подозрения, что вдова или дочь Анатолия увезли эти письма за границу. В апреле—мае 1940 года, когда весь цивилизованный мир отмечал столетие со дня рождения П. И. Чайковского, в одном из английских музыкально-литературных журналов, издающемся в Лондоне, была помещена статья Прасковьи Владимировны Чайковской под названием «Воспоминания о П. И. Чайковском — 1877—1893 г.г.». Обратило на себя внимание то обстоятельство, что автор статьи, повествуя о бытвой стороне жизни Чайковского, совершенно не использовала ценных материалов, заключавшихся в его письмах. Более того, она даже не упоминала об их существовании. Ясно было, что письма оставались на родине и находились в чьих-то частных руках.

Расспросы, изыскания и архивные исследования навели на след. Случайно удалось установить последнее петербургское местожительство П. В. Чайковской перед ее отъездом за границу. И вот в одной из комму-

нальных квартир старого, многоэтажного ленинградского дома на Моховой улице эти письма и были обнаружены. Они находились среди комплектов старинных журналов, разрозненных, обветшалых от времени книг, случайных, давно брошенных вещей на дне одного из шкафов, загромождавших небольшие комнаты, которые занимала в коммунальной квартире весьма почтенных лет женщина. Когда-то она служила экономкой в семье П. В. Чайковской и пользовалась ее доверием. Она и сама не знала о существовании этих писем, и так как давно утратила всякую связь со своей бывшей хозяйкой, то охотно отдала письма автору этих строк, будучи твердо уверенной, что они будут сохранены, научно обработаны и переданы в надлежащее государственное учреждение.

Письма сданы на временное хранение в Московское областное управление культуры по описи, приложенной к специально составленному акту. Предварительно с них сняты копии для научной работы и подготовки их к изданию. В дальнейшем они поступят в Клинский дом-музей имени Чайковского, где хранится все эпистолярное наследие гения русской музыки, и весьма существенно пополнят его фонды.

Содержание этих писем исключительно многообразно. В них нет ничего необычайного, неожиданного, чего бы мы не знали из биографии Чайковского. Тем не менее в каждом из писем заключается много ценного, интересного материала, существенно дополняющего наши сведения о жизни и творчестве композитора, о его художественных интересах и эстетических воззрениях, о его идейных побуждениях и моральных принципах.

Чайковский рассказывает о своей

работе над новыми сочинениями, о блаженстве вдохновенного творческого созидания. Вместе с тем он пишет и о тяжелых страданиях, вызванных неудачами, о колоссальном напряжении нервов в связи с бесчисленными корректурами печатавшихся произведений, особенно в последние годы, когда не только его основной издатель П. И. Юргенсон, но и заграничные издатели осаждали Чайковского предложениями и просьбами о передаче им права на опубликование его сочинений.

Подавляющее большинство писем к брату и его жене адресовано из-за рубежа. Дело в том, что как раз именно в последние годы жизни в 1887—93 г.г. к напряженной композиторской и общественно-музыкальной деятельности Чайковского присоединилась еще активная дирижерская деятельность. Она началась сравнительно поздно, когда Чайковскому исполнилось уже 47 лет, и продолжалась до последних его дней. За эти несколько лет, помимо многочисленных концертов, которыми он продирижировал в разных городах России (Петербурге, Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Тифлисе и других), Чайковский успел совершить несколько гастрольных поездок за границу, где выступал в крупнейших культурных центрах мира, управляя лучшими симфоническими и оперными оркестрами Берлина, Лейпцига, Гамбурга, Дрездена, Ганновера, Кельна, Франкфурта, Праги, Варша-

вы, Парижа, Лондона, Нью-Йорка и т. д. Эти концерты сопровождались триумфальным успехом, невиданными овациями. Печать Западной Европы и США откликнулась на дирижерские выступления Чайковского и его сочинения хвалебными рецензиями и панегирическими статьями. Чайковский был первым русским композитором, который пронес с таким успехом знамя русской музыки через все иноземные кордоны и рубежи и завоевал симпатии миллионов людей во всех странах мира к молодой национальной школе русского музыкального искусства.

Шумный успех, овации и рукоплескания, торжественные обеды и рауты, спичи и тосты не могли, однако, заглушить чувства глубокого одиночества и безумной тоски по родине, которые неотступно преследовали Чайковского, когда он оказывался за границей. Он писал оттуда брату письма, полные отчаяния и страстного желания поскорее вернуться домой. Ненасытная любовь к отчизне красной нитью проходит через все его послания и определяет главное их содержание. Эта жажда видеть русские поля и леса, дышать воздухом отчизны была особенно мучительной во время последней заграничной поездки, предпринятой Чайковским в мае 1893 года в Англию. Туда он был приглашен для выступления в концертах и участия в торжественной церемонии возведения его в почетную степень доктора му-

зыка Кембриджского университета. Никогда он не тосковал с такой силой, как во время этой поездки. Никогда он не испытывал большего счастья, как тогда, когда в июне 1893 г. вернулся в Россию. Последние месяцы жизни Чайковского были заполнены колоссальной работой. Он был полон замыслов по созданию новых опер, балетов, оркестровых произведений. Он мечтал, как о большом счастье, о возможности пожить у себя дома в Клину и нигуда более не выезжать, чтобы посвятить все свои силы только творчеству. Но мечта эта не осуществилась.

В последний раз Чайковский выступил перед публикой 16 октября 1893 года. Это было в Петербурге, в большом зале бывшего Дворянского собрания, где впервые исполнялась под управлением автора шестая симфония (патетическая). Через девять дней Чайковского не стало. Весь Петербург, самые широкие народные массы, для которых музыка Чайковского стала голосом, идущим от сердца к сердцу, хоронили любимого композитора, чье имя является символом самого прекрасного и возвышенного, что создала музыкальная душа великого народа.

С. РУБИН
лектор-музыковед.

«КРАСНОЕ ЗНАМЯ»

2 августа 1957 г.

3 стр.